

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(2): 141-154

DOI: 10.13187/rs.2021.2.141
www.ejournal15.com

Three Years in a Cossack Khutor during the “Stagnation” Period: Ethnographer’s Notes in the Fields of Memoirs of a Rural Teacher. Part 2. Gender and Age Groups of the Khutor Community: Boundaries, Statuses, and Functions

Marina A. Ryblova ^{a, b, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Volgograd State Institute of Arts and Culture, Russian Federation

Abstract

This publication is a continuation of an article published earlier in the 1st issue of the journal for 2021. It is devoted to the memoirs of the three years spent by the author in a small Cossack khutor as a teacher of an 8-year school, supplemented by the author’s comments on them. The peculiarity of both parts of the publication is its belonging to the genre of “notes”, in which the author appears simultaneously as a person remembering and commenting. The second part of the publication presents the characteristics of the sex and age groups of the population of the Cossack khutor during the Soviet “stagnation”: young people of marriageable age, family and old people. The author defines the boundaries, statuses and functions of these groups, as well as identifies the changes that occurred with them in the Soviet period of our history in comparison with the pre-revolutionary time. Describing a group of young men of marriage age, the author reveals the peculiarities of the process of their self-organization in adapting to the conditions of growing up using many traditional forms inherited from the former community life of the Cossacks. Such forms include youth gatherings, practices of collective mutual assistance to those who find themselves in difficult living conditions, etc. The author shows that despite the fact that the farm youth found themselves without the care of the older generation (with the loss of their former moral principles and values), they still had the need to organize their own lives with the support of the youth collective. Within this collective, their own code of honor was formed, and behavioral stereotypes were constantly levelled. At the same time, it was not the Soviet principles and forms that prevailed, but the former ones – traditional (although significantly transformed), and often associated with marginal spheres of life. The group of family Cossacks in the public space of the Cossack farm is mostly represented by women. They were active participants in the social life of the settlement and the true heads of their families and households, displacing the men who dominated them in pre-revolutionary times from these spheres. As in the Soviet village, in the Cossack farm, men took positions close to the position of unmarried youth: protected, not burdened with caring for families, often leading a very free lifestyle; in the working sphere of life, they also often realize themselves in marginal and extreme activities. As for the group of old Cossacks and Cossack women, it is also more represented by women who demonstrate special activity in the public space of the farm. Old men, having lost their former statuses and functions, practically disappeared from

* Corresponding author
 E-mail addresses: ryblova@mail.ru (M.A. Ryblova)

the social life of the farm, often found themselves excluded from the process of education and socialization of young people, being a clear illustration of the process of breaking the former intergenerational ties and ways of transferring cultural and social experience from the older generation to the younger ones. In Soviet times, there was a process of blurring the boundaries between different gender and age groups, between the moral norm and the anomaly. As studies of Soviet everyday life in recent years show, many of the phenomena described by the author were characteristic of the village as a whole at that time, but in a small and abandoned farmstead they appeared with special evidence and a significant degree of concentration, largely explaining all the subsequent political, economic and social upheavals and cataclysms of the post-perestroika period.

Keywords: field ethnography, the era of the Soviet “stagnation”, culture of everyday life, gender and age groups of the Cossack farm.

1. Введение

Эта статья является продолжением начатого мною недавно исследования социокультурного пространства маленького казачьего хутора, в котором мне пришлось провести три года в качестве учительницы восьмилетней школы. По жанру статья (как и первая часть публикации (Ryblova, 2021)) может быть отнесена к так называемой «признательной этнографии», в которой саморефлексии исследователей являются основой текста (Щепанская, 2005) или широко ими используются (Олсон, Адоньева, 2021).

В первой части публикации были охарактеризованы основные практики жизнеобеспечения жителей казачьего хутора времен советского «застоя», а также представлена власть (официальная и неофициальная) в структуре повседневности этого хутора. Во второй части публикации я попытаюсь дать характеристики трем половозрастным группам хуторского сообщества с определением их границ, статусов и функций, а также постараюсь выявить те изменения, которые произошли с ними в советский период нашей истории в сравнении с дореволюционным временем.

2. Материалы и методы

В основу публикации положены мои воспоминания о трех годах, проведенных в 1979–1982 гг. в казачьем хуторе (в качестве учительницы восьмилетней школы), которые, как стало понятно со временем, были моим первым этнографическим полем. Впоследствии я стала ученым-этнографом, всю свою профессиональную жизнь занимающимся этнографией донских казаков. Сейчас я понимаю, что выбранная мною позиция активного наблюдателя всех сторон хуторской жизни была очень верной жизненной стратегией, помогавшей преодолевать трудности тогдашней жизни. Вместе с тем, она дала мне богатый научный материал. Я могу определить положенные в основу статьи материалы в качестве полевых этнографических источников, а главным методом назвать метод включенного наблюдения. Мои воспоминания дополнены моими же комментариями, которые представляют собой попытку осмысления того времени и жизненных стратегий и практик тех людей, которые в нем жили. Для выявления происшедших трансформаций половозрастной структуры населения хутора я использовала также более поздние свои полевые материалы, записанные в разное время в этнографических экспедициях в местах исторического проживания донских казаков. В целом используемая в статье методика связана с так называемой «признательной этнографией», в текстах которой широко используются саморефлексии исследователей.

3. Обсуждение и результаты

Сразу оговорюсь, что в моем анализе положения разных половозрастных групп населения казачьего хутора не будут представлены дети. Это объясняется тем, что, несмотря на то, что общалась я с ними много и плотно (и не только в пространстве школы, а и в лодочных походах по Дону, экскурсиях в город, прогулках в лес и пр.), у меня была возможность оценивать наши взаимоотношения только в рамках оппозиции «учитель–ученики». Я не могу судить, как выстраивались отношения наших школьников с родителями и другими родственниками, как они воспитывались в семьях и социализировались в рамках хуторских разновозрастных детских групп. Могу только сказать, что в школе, конечно, дети вели себя не так, как дома, хотя и несли туда как положительные черты, включая готовность

прийти на помощь (попилить нам дрова или устроить мне школьную вечеринку в день рождения), так и пороки всего хуторского сообщества (например, возможность высказаться с применением ненормативной лексики прямо на уроке).

Итак, три половозрастные группы хуторского сообщества времен «застоя», которые я наблюдала в течение трех лет: молодежь брачного возраста, «семейные» и «старики».

Молодежь брачного возраста. В этом разделе речь пойдет исключительно о парнях, так как девушек брачного возраста мне наблюдать не приходилось. Не скажу, что их совсем не было в хуторе, но никакой отдельной группы они не составляли: по окончании нашей восьмилетки редкие из них доучивались в средней школе, расположенной на центральной усадьбе совхоза; некоторые быстро выходили замуж, но большинство сразу же уезжало в город, поступая в техникумы или ПТУ. Главной их жизненной стратегией было стремление любой ценой задержаться в городе и не возвращаться насовсем в родные места. Эту своеобразную ситуацию почти полного отсутствия девушек в хуторе нам разъяснили хуторские парни, задав однажды вопрос «на засыпку»: «Что такое глухомань?». Правильным ответом (которого мы не знали) было: «Много Вань и мало Мань...».

Моя первая встреча с представителями хуторских «Вань» состоялась сразу же по приезде. Прибыла же я в хутор на месяц позже моих подружек-учительниц, которых поселили «на квартиру» (в отдельно стоящий на усадьбе флигель) к пожилой супружеской паре. Вечером нагрянули в гости два молодых, гвардейского вида, парня. Было очевидно, что пришли они не в первый раз, и вели себя, на мой взгляд, развязно и нагло. Разговоры были ни о чем, но просидели они довольно долго, не давая нам заниматься своими делами. Примерно в третий заход незваных гостей произошел конфликт. Не выдержав хамского поведения, я попыталась им что-то объяснить, а потом просто распахнула настежь двери и предложила убраться. Уходя, один из них пообещал при будущей встрече непременно разбить мне «очочки». Впрочем, очки уцелели, а визиты на этом не закончились. После этого регулярно заходили к нам на огонек и другие хуторские ребята. Особенно они зачастили после того, как мы переселились в другой, стоящий на отшибе, дом и лишились хотя бы символической защиты со стороны семейных хуторян-соседей.

Меня немало удивляло то обстоятельство, что мои подруги гораздо спокойнее, чем я, реагировали на эти визиты. Можно, конечно, объяснить это особенностями моего характера. Но сейчас я думаю, что дело было не только в этом, но и в разных жизненных опытах: моем и моих подруг. При этом все мы были выходцами из разных социальных сред. Одна подруга родилась и выросла в городе, в семье интеллигентов, другая была родом из казачьих сельских мест, я выросла в селе, но более трех лет прожила в городе в студенческом общежитии. Для горожанки вся жизнь хутора представляла собой сплошную экзотику, причем экзотику экстремальную, включая походы за водой к колодцу, заготовку дров и пр. По всей видимости, и постоянные визиты к нам незваных гостей представлялись ей частью этой экзотической хуторской жизни, с которой нужно было просто смириться. Подруга-казачка вообще реагировала на все очень спокойно, видимо, зная что-то, неизвестное нам. Я же, и в период жизни в своем заволжском совхозе (будучи совершенно «домашней» девочкой), и во время обитания в студенческом общежитии, конечно же, имела опыт общения со сверстниками противоположного пола, но этот опыт радикально отличался от того, с чем пришлось столкнуться в казачьем хуторе.

Наше прежнее общение происходило либо на нейтральных территориях (на школьных «вечерах», вечерних посиделках на лавочках, дискотеках в городе), либо на территориях парней: все школьные и послешкольные празднования «гендерных праздников» или Нового года в совхозе организовывали наши мальчишки-одноклассники, приглашая в свои дома, откуда на это время деликатно уходили их родители. Именно парни-одноклассники брали на себя не только расходы, но и все хлопоты по организации наших вечеринок. Задача девочек заключалась в том, чтобы украсить их территорию. Я даже представить себе не могла, чтобы кто-то из моих одноклассников посмел бы прийти к нам в дом или в дом других наших девочек. Чтобы вызвать нас на какое-то мероприятие (например, на поездку на мотоциклах в степь), парни свистели у калитки со стороны улицы. В социокультурном пространстве нашего совхоза молодежь имела свою собственную территорию (кроме придворовых лавочек – еще приклубный парк, поляны за селом для весенних игр в лапту и в «третий лишний» и пр.), но это, в значительной степени, была территория парней,

на которой мы – девушки – были приглашенными и долгожданними гостями. Никогда никаких вторжений парней на нашу территорию (а девичьими компаниями мы, кстати, собирались не часто) не было.

Наверное, именно поэтому ситуация, возникшая в сфере нашего общения с представителями мужской молодежи в хуторе, воспринималась мною как нарушение границ нашего девичьего пространства, которое мы к тому же, вполне обоснованно, считали и своим домом. Причем, иногда такие нарушения происходили в форме прямого захвата с проявлением агрессии. Так, вернувшись в хутор после новогодних праздников (которые провела в городе), я услышала от своих подружек совершенно дикую историю о том, как к ним приходили очередные «ребята», сопровождавшие некоего, только что вернувшегося из заключения, Коляна. Он твердо решил использовать короткий (как предполагал) период между традиционными «отсидками», чтобы как-то исправить свою жизнь путем женитьбы. Выбор пал на нашу учительницу-казачку. В рассказе моих подружек фигурировали: взломанная входная дверь, размахивающий топором получивший отказ Колян, бегство в одних тапочках по сугробам к соседям за помощью и пр.

После этой истории со сватовством местные парни еще пару раз пытались привести к нам в гости вернувшихся из заключения приятелей, но со временем мы эти попытки смогли прекратить, а вот обязательный приход к нам для знакомства тех, кто только что вернулся в хутор после прохождения воинской службы, стал практически традицией. Поделаться с этим ничего было нельзя. Впрочем, чем дольше мы жили в хуторе, тем спокойнее проходили такие визиты. Обе стороны как-то притирались друг к другу, уступая, идя на компромиссы. Например, парни соблюдали наше условие «без спиртного», но по этой причине обычно подолгу не задерживались. Мы нередко соглашались поиграть с ними в карты или домино. Нахватались их игровой лексики: «*Горбатого лепишь?*», «*Дуру гонишь?*» и пр. Со временем с некоторыми из наших постоянных гостей у нас установились вполне приятельские отношения, в которых, однако, явно считывалось, что мы не чужие, но и не свои в полной мере. Какие-то границы и определенная дистанция соблюдались обеими сторонами.

На второй год нашей жизни в хуторе стало обычным делом, что парни могли вечером стукнуть нам в окошко и позвать на прогулку по льду Стародонья. Азартно показывали, как можно рыбалить в зимнее время. На льду расчищалась от снега небольшая окружность, после чего рыбак начинал светить в это место мощным фонариком, при этом от него требовалось немалое терпение. Когда какая-то особо любопытная рыба подплывала «на огонек», нужно было нанести по льду сильный удар кувалдой или дубиной. Рыба «глохла», и ее доставали, вскрыв лед. Рыбку, кстати, парни могли нам забросить, проходя мимо нашего дома и спеша по своим делам. Иногда они заливали воду в котел нашей системы отопления, расположенный на чердаке.

Однажды несколько парней, узнав, что я в одиночестве коротаю майские праздники, пригласила меня *в зелена*¹. Так назывались традиционные выходы казаков в весенне-летнее время на природу для празднования, например, Пасхи или Троицы, на которых устраивались *ссытки* – сбор продуктов вскладчину. Мне, кстати, совершенно нечего было положить на импровизированный стол, которым служила расстеленная на поляне старая клеенка. Зато ребята принесли массу домашней снеди и накормили меня от души выпечкой, салом и яйцами. Запивали мы все компотом из сухофруктов – *узваром*. И *зелена*, и *ссытка*, и *узвар* были для меня новыми словами, которые поступили в список уже имеющихся (*щербат*, *брунит* и пр.).

Как-то осенью визиты парней прекратились. Целый месяц никто не заходил на наш огонек. Вскоре мы узнали, что в хутор привезли и поселили в клубе девушек из города – для уборки картошки с совхозных полей. По рассказам бюро ОБС¹, каждый день – с вечера и почти до утра – там проходили веселые посиделки. Хуторские парни (всех категорий) стали проводить в клубе, превращенном в общежитие, свой досуг. Рассказывали о пьянках и *подночѣвках*. Сами парни говорили нам, что деньги на самогон добывали путем продажи хуторянам картофеля, уносимого девушками (при их активном участии) с колхозных полей.

Итак, посиделки... Именно это слово стало ключевым в последующем моем осмыслении наших сложных отношений с хуторскими парнями. Много лет спустя я стала

¹ ОБС – аббревиатура от «одна бабка сказала» (подробнее см. (Ryblova, 2021: 62))

записывать в экспедициях воспоминания моих информанток о том, как организовывался молодежный досуг в казачьих станицах и хуторах в дореволюционное время. Осенне-зимние посиделки и летние молодежные *вулицы* с хороводами были тогда девичьей территорией (тщательно организуемой девушками брачного возраста), но при этом представляли собой часть территории, подконтрольной организованной группе парней. В станицах и больших хуторах одновременно устраивались посиделки в разных концах поселения. Девушки приходили на них с *уроками* – заданием от родителей спрясть определенный объем пряжи или связать какое-то количество изделий из шерсти. Для посиделок заранее снимали хату или курень у какой-нибудь одинокой казачки (*жалмёрки* или вдовы), оплачивая аренду продуктами или дровами. Парни, контролирующие тот или иной конец поселения (*куто́к*), всегда знали о месте и времени проведения таких посиделок и приходили спустя некоторое время после их начала. С этого момента начиналась вторая часть посиделок: с играми, танцами, «ухаживаниями» и пр. На посиделках молодежь приобретала опыт межполового общения, иногда здесь складывались и будущие брачные пары. В экспедициях мои информантки рассказывали, что парни на посиделках «озорничали», пугали девушек, мешали их работе и пр.: «Девушки собирались платки вязать. Семечек нажарим. Я их приглашу, потом они ко мне придут. Другая подруга пригласит – мы к ней пойдём на сиделки. Возьмем палочку, она горит. Или сало в блюдечку и фитилек спичечкой зажжем. Она горит, а мы сидим, вяжем. Пели, смеялись, кто что говорит, кто что расскажет. А то бывало, кто спит, а один нарисует что. Мы тут вот не видим, коптёрка плохо горит. А ребята пришли, сидят у двери. Они заметили, что какая-то залезла на печь и спать. А мы и не видим. Они и разрисовали сапухой – сажа от трубы. А потом разбудили её, подвели нам к столу, а мы: Ха-ха-ха – весело. А ещё ребята нас пугали... Кто-нибудь нарядится, в окно смотрят... Тыкву вот, выржут глаза, брови, рот, зубы. А они тогда подойдут: стук-стук – об окно. Мы: ой, страсть какая! Все хоронимся. А они держат эту куклу. Боимся её, она страшная. Они там свечку зажгли, какой-то фитилей зажгут. Поставят, огонь горит, и в глазах горит, и в роте горит. После мы узнали. А так страшно пугались! Тогда посла они окажутся. Тогда постучат, а мы: Кто? Да мы знаем, что наши ребята. Отворим им, а они тогда: Ха-ха-ха – смеются. Вот так вот. Вот этим шутили, развлекались... А потом что: Здравствуйте. Проходите, садитесь. Они пройдут, сядут и сидят. Мы сидим вяжем, а они сидят, на нас глядят. Мы за столом, а они вот так, на скамейке. Они ж не вяжут. То курят. Начнут что-нибудь нам брехать, нас стращать: “Ну, вот я видал. Знаешь, что я видал? Вот мы пошли, а ведьма, говорит, идёт с ведром корову доить...”. А мы шарфы, перчатки вязали...» (Полевые записи автора, 2008).

В связи с этим рассказом вспоминаю, как однажды в новогоднюю ночь хуторские парни похулиганили в полном соответствии с обычаем так называемых «святочных молодежных бесчинств» (Власкина, 2012): у многих хуторян были сняты с петель и унесены калитки, а также все, что бесхозно лежало во дворах. Нам досталось особенно: исполнив традиционные колядки на пороге нашего дома, уходя, парни унесли дверь с дощатого (расположенного во дворе) туалета, перерезали выходящий на улицу провод телевизионной антенны, а входную дверь дома подперли большим бревном. Праздничная ночь с неработающим телевизором и невозможностью выйти из дома запомнилась нам надолго. Освободили нас уже утром проходящие мимо окон (как водится, *напрямки́* – через наш двор) соседи. Туалетную дверь через несколько дней наших мучений те же соседи посоветовали поискать возле клуба: все, что парни унесли со дворов хуторян, было свалено там в кучу. Никто не ругался, не обижался...

Как я сейчас понимаю, наши хуторские парни вели себя абсолютно адекватно с позиции той традиции, которая сложилась и существовала в народной среде, частично сохранившись в социокультурном пространстве хутора и в советское время. Наши дома, в которых не было «взрослых» («семейных», т.е. состоящих в браке), воспринимались парнями как территория посиделок, на которых девушки ждут прихода будущих женихов, как это было и в прежнее время. И агрессивное поведение молодых людей, и их матримониальные устремления также полностью вписывались в эту традицию. Причиной конфликтов было наше непонимание и непризнание того статуса, который был присвоен нам, причем не только парнями, но и всем хуторским сообществом. Когда моя подруга-казачка, пошла однажды жаловаться родителям одного, особо наглого нашего гостя,

то получила ответ: «Мы в это не вмешиваемся. Разбирайтесь сами...». Мы и разбирались, стараясь хоть как-то очертить границы своего пространства, опираясь в тот момент скорее на интуицию, чем на понимание реальной ситуации. А ее глубинный смысл был таков: попав на территорию хутора в статусе незамужних, мы автоматически подпадали под контроль сообщества неженатых хуторских парней, которые действовали в полном соответствии с принятыми здесь нормами межполовой молодежной коммуникации, и, что очень важно, ожидали от нас ответного поведения в рамках тех же норм.

Вообще ситуации, когда жители станиц и хуторов если не требовали, то во всяком случае ожидали от нас во время работы в этнографических экспедициях на их территориях соответствия их нормам жизни, встречались мне многократно. Так пожилая казачка отчитывала наших парней за бороды: «*Вы же молодые. Эт тока старики бороды завсегда носили...*». Мне моя информантка пыталась выговорить за косу, полагая, что я замужняя женщина и должна носить соответствующую этому статусу прическу. Узнав, что я не замужем («до сих-то пор»), соглашалась: «*Ну, тогда ладно...*». Уже в XXI в. во время работы в одном казачьем хуторе к моей коллеге приехал на побывку муж, и ей пришлось выслушивать гневные тирады нашей квартирной хозяйки: «*Собарей она моих кормит с утра пораньше! Да штоб они посдохли! Мужа корми сперва! А потом все другое делай...*».

Во всех этих случаях мы, уже умудренные жизненным опытом, только посмеивались, хотя и фиксировали в своих полевых дневниках эти образцы автоматического переноса своих норм и правил жизни на тех, кто оказывался на чужой территории.

Вспоминается и случай в экспедиции, когда мне и моей коллеге пришлось заночевать в доме пожилой женщины – нашей информантки. Вечером за окном замелькали какие-то тени, раздался стук в окно. Хозяйка весело пояснила: «Разнюхали наши парни про вас...», – и также задорно крикнула в сторону окна, – *Идите мимо: одёжа на нас, еда в нас... Никого ни надо!*».

Возвращаясь к парням из нашего хутора времен «застоя», отмечу далее уже конспективно то, о чем мы знали либо понаслышке (по слухам и версиям бюро ОБС), либо лишь вскользь – от самих ребят. Знали мы, что многие, придя из армии, стремились поскорее вступить в брак, осознавая, что «засидевшись», сильно рискуют перейти в категорию «после заключения». Спивались или попадали на «зону» многие. Сами парни рассказывали нам, что поддерживали тех, кто отбывал срок в колониях (обычно оказываясь там «по дури и по пьяни»): собирали посылки с продуктами и одеждой, пересылали деньги. От них мы часто слышали: «Своих не бросаем и не сдаем». Помогали и тем, кто приходил (обычно ненадолго) в хутор после «отсидки», или возвращался из армии. В этом я сейчас вижу некоторые аналогии прежним казачьим *одному мствам* – сообществам служивых казаков, которые поддерживали друг друга, как на военной службе, так и в мирной жизни. Ходили в хуторе слухи и о такой школе взросления парней, как приобретение сексуального опыта у двух хуторских *засиде́лок*, имевших соответствующие прозвища. Говорили об этом без осуждения, как о делах естественных и обычных.

Если же проводить далее параллели между статусом и положением наших хуторских парней и прежних – дореволюционных, то придется признать, что от былой общинной организации всей молодежной жизни (от подготовки к воинской службе до активного привлечения к обрядовой и трудовой жизни общин) не осталось почти ничего. Наши парни были брошены взрослым сообществом хуторян буквально на произвол судьбы: мы не вмешиваемся, разбирайтесь сами... Почетной или просто хорошо оплачиваемой работы для молодежи в хуторе не было, немногочисленные клубные праздники (идеологически выверенные и необыкновенно скучные) не предполагали участия в них молодежи (с характерными комментариями завклубом: «Чтоб они потом драку устроили...?»). Никаких общественных организаций в хуторе тоже не было. Зато было беспробудное пьянство большей части взрослого хуторского сообщества, к которому очень рано приобщалась и молодежь. Все былые границы и запреты (например, на употребление алкоголя до совершеннолетия или ненормативной лексики в смешанных по половому признаку компаниях) были утрачены. И если в период обучения в школе хуторские парни еще чувствовали себя включенными в некую организованную структуру, то по окончании ее оказывались в ситуации социальной аномии – на территории без норм и границ. Именно эта

ситуация порождала и ранний алкоголизм, и агрессию против своих же (нередко – родителей), частые драки, и последующие нередкие походы на «зону», и ранние смерти.

Однако, как я могу судить на основе своих воспоминаний, хуторское сообщество парней, лишенное в советское время четко определенного места и функций в половозрастной иерархии жителей хутора и возможности перенимать соответствующий новым условиям жизненный опыт у старшего поколения, пыталось самоорганизовываться путем воссоздания форм, отдаленно напоминающих прежние – традиционные, в том числе и обрядовые (календарные и переходные). К ним можно отнести и попытки возрождения подобия прежних посиделок, и организацию проводов уходящих на службу в армию (на одно из таких мероприятий мы были приглашены и видели, что самыми активными его участниками была именно молодежь), и встреч и проводов уходящих на «зону», и практики коллективной взаимопомощи. Многие прежние моральные принципы и ценности утратили для молодежи свою актуальность, однако оставалась потребность в организации своей собственной жизни и поиск ее форм с опорой на молодежный коллектив. В рамках этого коллектива формировался собственный кодекс чести, происходила постоянная нивелировка поведенческих стереотипов, при этом преобладающими были не советские принципы и формы, а старые – традиционные (хотя и существенно трансформированные), а также маргинальные и экстремальные (романтизация хулиганского поведения и «зоны», передача опыта выживания в ней, пьянство, драки и пр.).

Семейные казаки и казачки. Мои представления об этой возрастной группе основаны на отрывочных воспоминаниях и не могут претендовать на полноту в силу того, что, будучи членом группы «не своих» («училок»), и к тому же не замужних, я мало общалась с семейными, имея возможность наблюдать их чаще всего со стороны. К тому же круг моего общения с ними ограничивался преимущественно женщинами. И связано это было не только с тем, что я сама – представительница женского пола. Дело еще и в том, что женщины численно преобладали в публичном пространстве хутора. На родительские собрания в школу приходили только матери наших детей. В редких клубных праздниках участвовали тоже в основном женщины, они же пели со сцены песни про тучные колхозные поля. А когда хуторяне гуляли на каком-либо неформальном празднике, именно женские голоса выводили и старинные казачьи песни, долго звеневшие над хутором пронзительным *ди́шкантом*. На клубной сцене, кстати, казачьи песни никогда не звучали. На мой вопрос, заданный завклубом: «Почему свои песни не поете?», – я получила краткий ответ: «Это не советское, это – нам чуждое».

Все почетные и значимые места работы в хуторе (за исключением должности управляющего совхозным отделением) занимали также женщины: продавцы в продуктовом и промтоварном магазинах, заведующие почтой и клубом. Единственным учителем в школе (и ее заведующей) до нашего приезда в хутор также была женщина. Две «технички» (уборщицы) в школе – женщины. Женщин мы встречали в магазинах и у колодца, они выгоняли и встречали коров, объединяясь на это время в своеобразные кружки-беседы. Места работы мужчин, как правило, были за пределами хутора: на полях (механизаторами), на ферме (скотниками) или между фермой и молокозаводом (в качестве водителей молоковозов, на которых молоко доставляли в районный центр по разбитой грунтовой дороге).

Отличительным внешним признаком группы семейных женщин была покрытая платком голова, в том числе и в летнее время. Однажды ко мне зашла молодая женщина-соседка с просьбой одолжить кусок белой ткани, чтобы смастерить из нее воротник и рукава-крылышки для платья, которое она шила, с пояснением: «Ткани на рукава не хватило, а с голыми руками неудобно – я же замужняя».

Помню, что редкое присутствие мужчин в публичном пространстве хутора тогда не вызывало у меня особого недоумения, но сейчас, глядя на архивные фотографии Ивана Болдырева со сценами из дореволюционной станичной жизни донских казаков, отмечаю, сколько их – на плацу, на ярмарке, на проводах призывников на службу, на встрече свадебного поезда и пр. Наш хутор представлял собой преимущественно женскую территорию. И помню, как восхищали меня эти женщины, успевавшие дважды за день подоить своих и совхозных коров, отстрипаться дома, наработаться на огороде, а потом на бахчах, обстирать всю семью, сбегать в магазин и пр. Женщины нашего хутора после выхода

замуж становились, по сути, главами домашних хозяйств, что было характерно в целом для российской деревни советского времени (Денисова, 2003: 183, 224).

Очень показательно, что никто из наших знакомых семейных женщин никогда не жаловался ни на тяжкий труд, ни на тяготы семейной жизни. А о том, что приходилось многим из них терпеть в узах брака, мы знали не понаслышке. Нередкими были случаи, когда женщины, жившие по соседству, прибегали к нам по ночам, чтобы отсидеться на время пьяных дебошей своих мужей. И опять без жалоб, просто: «Можно я у вас побуду, пока мой не уймется?». Одна из наших школьных «техничек» нередко приходила на работу со следами побоев на лице. Такие следы я нередко видела и на лицах других женщин. Вездесущее бюро ОБС часто доносило до нас вести об очередных семейных разборках, пьяных семейных драках, неверности мужей и жен.

Значит ли все, приведенное выше, что мужчины совсем не выполняли в семьях своих функций добытчиков и кормильцев? Так могло показаться лишь на первый взгляд. А я прожила в этом хуторе три года и со временем поняла, что невостребованность мужчин в общественной жизни хутора и их частая нереализованность в семейной нередко компенсировалась такими видами деятельности, которые были связаны с маргинальными зонами хуторского пространства и могли быть определены в качестве экстремальных. Так, многие из семейных мужчин промышляли на Дону браконьерством. Этот запретный промысел давал им не только ощущение занятости настоящим мужским делом (к тому же сопряженным с риском), но и приносил их семьям немалый доход, так как, например, донская чехонь имела в то время статус продуктовой валюты. В связи с этим промыслом в хуторе существовали и мужские браконьерские или просто рыбацкие компании (создававшиеся по типу прежних артелей), о деятельности которых, я, впрочем, почти ничего не знала, да и говорить об этом здесь было не принято.

Оценивая в целом положение группы семейных мужчин нашего хутора, я соглашусь с выводами, сделанными другими исследователями половозрастной структуры советской деревни, отмечавшими, что «советский мужчина продолжал вести себя как парень до конца своих дней, тогда как советская женщина, как только она становилась матерью, немедленно превращалась в большуху. Фактически доминирующим стереотипом советского мужчины был “большой ребенок”: неорганизованный, несамостоятельный, зависимый, уязвимый, требующий, чтобы о нем заботились, чтобы снисходительно принимали его агрессию, алкоголизм, неверность и регулярное отсутствие» (Олсон, Адоньева, 2021: 133).

Ребячливо-молодецкое поведение семейных мужчин, переложивших ответственность за состояние своих семей и воспитание детей на жен, нам приходилось наблюдать в хуторе постоянно. Уже много позднее для меня эта ситуация гендерного перевертыша в социокультурном пространстве хутора стала ассоциироваться с Диким полем и периодом формирования в нем вольных казачьих братств, с присущим им отсутствием настоящей семейственности и молодецким разгулом взрослых казаков, с той лишь разницей, что бывшие сферы их ответственности (охрана территории, завоевание и освоение новых земель, организация жизни казачьих братств, участие в их управлении и пр.) давно остались в прошлом, как остались там и более поздние формы участия семейных казаков в жизни общины и семьи, характерные для сословного периода их истории.

Старые казаки и казачки. Обращаясь к характеристике этой группы, я пытаюсь и не могу вспомнить ни одного старика. Их было мало и в числе наших информантов в то время, когда я стала ездить в этнографические экспедиции. Всегда численно преобладали пожилые и старые женщины, однако старики были. Степенные, с окладистыми бородами; иногда – больные и беспомощные – но они были. В нашем хуторе я видела только старых казачек. Они принимали самое активное участие во всей хуторской повседневной и праздничной жизни: составляли знаменитое (невидимое, но грозное) бюро ОБС, являясь поставщиками всех хуторских новостей и сплетен; участвовали в праздничных застольях, пели песни на клубной сцене; некоторые из них торговали самогонкой. О том, что в советское время и в русских деревнях старики утрачивали бывшие функции главных распорядителей и организаторов семейной и общественной жизни, также писали Л. Олсон и Т.Б. Адоньева, отмечая, что в это время полностью исчез статус мужчин-большако́в (Олсон, Адоньева, 2021: 106-109).

В казачьей дореволюционной традиции главы семейств назывались *деда́ми*. О высоком статусе старости у казаков я впоследствии написала несколько статей, в которых отмечала ряд отличий положений стариков в казачьих и крестьянских общинах и семьях (Рыблова, 2006: 216-222; Рыблова, 2016: 71-86). Старые казаки на Дону пользовались необыкновенным почетом и уважением, были членами *судов стариков*, принимали активное участие в работе станичных и хуторских правлений, в организации и проведении многих семейных и общинных обрядов, занимались опекой сирот, разрешением семейных конфликтов. В экспедициях наши информанты часто рассказывали о том, как их с детства приучали с почтением относиться к старикам: «Если со стариком ни поздоровался, он за ухо драл и говорил: “Приди, скажи отцу, што вот такой дедушка меня потрепал за ухо, а отец прибавит еще”. Придешь дамой, скажешь, а отец другое уха надерёт. Долго помнишь...» (Полевые записи автора, 1987). В рамках семьи *деды* были абсолютными «авторитетами», а нередко – и диктаторами.

В дореволюционное время граница старости на Дону была непосредственно связана с понятием воинской службы казаков. По достижении 40 лет, выполнив все свои сословные (*служивские*) обязательства перед Отчиной и общиной и выйдя в отставку, казак назывался *отставны́м*, и с этого момента начиналось его приближение к группе стариков.

Настоящая старость обычно была приурочена к 60-летнему рубежу и определялась степенью участия казака в хозяйственной жизни семьи. Как правило, именно в этом возрасте старики сдавали свои полномочия старшего в семье: «60 лет исполнилось – считай, уже старик. В 60 лет дет уже передавал хозяйство старшему сыну. Он после уже тока ездит на дрожках и смотрит, как они там в поле работают – можа што подсказать. Он тока руководит – каво поругать, каво поощрит...» (Полевые записи автора, 1999).

И после сдачи полномочий главы семьи и домохозяйства старики продолжали пользоваться неукоснительным авторитетом, более того – они получали еще больше возможностей для реализации себя в общественной жизни станиц и хуторов. Некоторые старые казаки выбирали другой путь: уходили из семей и поселялись на краю станиц и хуторов в землянках-кельях, посвящая остатки своих жизней молитвам и стяжанию духовной благодати. Их статус в общинах был особенно высок (Рыблова, 2019).

В советское время начало старости определялось выходом мужчин и женщин на пенсию, а оба вышеописанных варианта старости для мужчин-казаков были утрачены. Это во многом определяло отсутствие стариков в общественной жизни нашего хутора, хотя, безусловно, были и другие определяющие факторы, например, в советское время они и численно значительно уступали старым женщинам. Историки-казаковеды отмечали, что на Дону в первой трети XX в. появилось целое поколение детей, не знавших дедов, их воспитание и социализация проходили в это время в основном под контролем женщин¹. Еще более усугубила ситуацию Великая Отечественная война, лишившая дедов уже многих моих сверстников. Но и те старики, которые пережили все страшные катаклизмы XX в., не могли принимать активное участие в процессе социализации молодежи в силу того, что их прежний опыт и знания зачастую оказывались невостребованными в новых условиях жизни. Глубинной причиной такой ситуации было разрушение казачьих общин, ликвидация больших казачьих домовладений и земельных наделов в период коллективизации, крах всего традиционного уклада жизни казаков, в котором опыт старости всегда был актуален и востребован. И опыт этот был огромен и ценен, в чем я могла убедиться уже много позже, беседуя со стариками и старухами в экспедициях в конце 1980-х – 1990-х гг.

Однако, наша хуторская молодежь этим опытом не интересовалась. Показательно, что даже традиция коллективного исполнения казачьих песен в это время сохранялась лишь в коллективах старых казаков и казачек; молодежь перестала быть восприимчивой и в этой сфере, предпочитая песни нового времени. Об исполнении старых песен они высказывались непочтительно: «Ну, затянули свое старьё; е-е-е... Ни слова не разберешь!».

¹ Эту мысль высказал и актуализировал в устной беседе со мной А.В. Венков, за что выражаю ему благодарность. Он отметил также, что старые казачки, рассказывая внукам о своих мужьях (их дедах), сильно идеализировали последних, создавая образы настоящих героев, хороших семьянинов и пр.

О разрушении вертикали в передаче межпоколенческого опыта и разрыве связей между уже взрослыми детьми и стариками-родителями свидетельствуют многие вспоминаемые мною сейчас обстоятельства жизни в казачьем хуторе. Помимо описанного выше признания пожилых родителей в том, что они не могут воздействовать на сына-хулигана, вспоминается и инцидент, участником которого был упоминаемый в первой части работы Вован. Я писала о том, что мы присутствовали на суде над ним. Очередной срок он получил за то, что в пьяном виде грозил ножом беременной женщине (Ryblova, 2021: 62). Этому предшествовал пьяный дебош в доме его родителей, в результате которого все оконные рамы остались без стекол. Рассказывали, что стариков-родителей Вован выгнал ночью на улицу (дело было зимой в сильный мороз) и заставлял маршировать под его команду вокруг собственной усадьбы. Вована судили выездным открытым судом, в зале было много хуторян. Но никаких речей с осуждением и порицанием не прозвучало. Все понимали, что такая участь может ожидать любого из стариков, устранившихся (или устранившихся) от воспитания своих детей.

Конечно, я видела и образцы по-другому выстроенных межродственных отношений, основанных на взаимном уважении и поддержке представителей разных поколений, но мне до сих пор часто вспоминается старый дом, стоящий посреди занесенного снегом хутора и зияющий пустыми глазницами окон...

4. Заключение

В 2007 г. в третьем выпуске «Мужского сборника», посвященного анализу положения мужчин в различных экстремальных ситуациях, была опубликована моя статья «Экстремалы Дикого поля: основные этапы жизненного пути казака-воина», в которой я представила характеристики основных возрастных групп казаков в ранний период их истории (Ryblova, 2007). Составители сборника поместили статью в раздел «Территории экстремальности». Сейчас я понимаю, что территория моего хутора также во многом была той самой «территорией экстремальности». Не исключаю того, что такой она виделась только мне – стороннему наблюдателю, а для самих хуторян была обычным местом обычной жизни. Напомню, однако, что я не была горожанкой, а выросла в сельской местности, правда в большом совхозе, имеющем огромное хозяйство, развернутую инфраструктуру, общественные организации и пр., открывавшие широкие возможности для его жителей в выстраивании стратегий взрослой жизни. Таких возможностей у моих хуторян не было.

Их родители и деды с бабушками обустроивали свои жизни в условиях проведенной в хуторе социалистической модернизации, которая, разрушив прежние структуры, связи и скрепы, не сумела в полной мере создать предпосылок для полноценной реализации новых поколений в общественной и семейной сферах жизни. Очевидное безвластие, о котором я писала в первой части публикации, отсутствие условий для полноценной трудовой и культурной жизни хуторян, а также четких жизненных ориентиров и морально-нравственных принципов в новых условиях жизни создавали ситуацию, весьма приближенную к Дикому полю, определяемому разными исследователями то в качестве фронта (с его полупрозрачными и подвижными внешними границами) (Боек, 2001), то в качестве социальной аномии – территории, в которой отсутствуют внутренние границы и нормы (Ryblova, 2006: 45-46).

Вновь создаваемые хуторянами структуры также отчасти напоминали те, что выстраивались в Диком поле еще в период позднего Средневековья приходившими сюда «показывать» и поискать воли. Молодежная вольница хутора (с ее отказом от правильно организованной семейственности и приверженностью к маргинальным и экстремальным формам жизни) втягивала в свою сферу, как в воронку, и подрастающих *малолеток*, и взрослых семейных казаков, при очевидной отстраненности от былых функций казаков-стариков. Постепенно размывались границы между половозрастными группами, между нравственной нормой и аномалией.

Лишение мужчин прежних функций глав домохозяйств и активных участников общественной жизни приводило к тому, что эти функции переходили к женщинам. Старые мужчины также практически исчезли из общественной жизни хутора, нередко оказывались отстраненными и от воспитания и социализации молодежи, являясь наглядной

иллюстрацией процесса разрыва былых межпоколенческих связей и способов передачи культурного и социального опыта от старшего поколения младшим.

Как показывают исследования советской повседневности последних лет, многие из описанных мною явлений были характерны в целом для деревни того времени, однако в маленьком заброшенном хуторе они проявлялись с особой очевидностью и значительной степенью концентрации, во многом объясняя все последующие политические, экономические и социальные потрясения и катаклизмы постперестроечного времени.

Лишенные прежних внутренних и внешних связей маленькие казачьи хутора в советское время утратили и многие прежние ресурсы социальной и культурной жизни. Если в дореволюционное они были тесно связаны с другими такими же поселениями, а также со станицей (в юрте которой располагались) множеством невидимых нитей (родственных, церковно-приходских, административных, сословно-служивских и пр.), то в советское время наш хутор остался лишь производственной единицей (отделением) в системе совхозного хозяйства, в котором к тому же и отдельный человек уже не распоряжался полноправно производственными ресурсами и был лишен статуса настоящего хозяина. В этих условиях хуторское сообщество искало новые формы организации своей жизни, нередко опираясь при этом и на прежний опыт общинности, который далеко не всегда отвечал вызовам нового времени, но позволял социуму сохранять, с одной стороны целостность, а с другой – границы внутреннего социокультурного пространства.

5. Благодарности

Исследование половозрастных групп молодежи и семейных казаков выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43097 «Донские казаки в СССР»; исследование положения группы стариков – в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2021 г. 0198-2021-0016 № гр. АААА-А20-120122990111-9.

Литература

- Боек, 2001** – *Боек Б.М.* Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право. Материалы научной конференции. Краснодар: РИЦ «Вольные мастера», 2001. С. 147-155.
- Власкина, 2012** – *Власкина Н.А.* Святочные бесчинства на Дону // *Труды конференции «Покровские Дни»*. 2012. № 3. Т. I. С. 22-32.
- Денисова, 2003** – *Денисова Л.Н.* Женщины русских селений: Трудовые будни. М.: Мир истории, 2003. 336 с.
- Олсон, Адоньева, 2021** – *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. 2-е изд. М.: НЛО, 2021. 520 с.
- Полевые записи автора, 1987** – Полевые записи автора 1987 г. в хут. Остроуховском Кумылженского р-на Волгоградской обл. Информант Маныцков, 1912 г.р.
- Полевые записи автора, 1999** – Полевые записи автора 1999 г. в хут. Тормосин Чернышковского р-на Волгоградской обл. Информант Недорубов А.П., 1909 г.р.
- Полевые записи автора, 2008** – Полевые записи автора 2008 г. в ст-це Тишанской Нехаевского р-на Волгоградской обл. Информант Мурашкина А.Г., 1908 г.р.
- Рыблова, 2006** – *Рыблова М.А.* Донское братство. Казачьи сообщества на Дону в XVI–первой трети XIX века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 544 с.
- Рыблова, 2007** – *Рыблова М.А.* Экстремалы Дикого Поля: основные этапы жизненного пути воина-казака // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: Индрик, 2007. С. 207-223.
- Рыблова, 2016** – *Рыблова М.А.* Статья воином. Традиции социализации юношей и подготовки воинов в донской казачьей общине. Волгоград: Изд-во ВолГУ; Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 280 с.
- Рыблова, 2019** – *Рыблова М.А.* Отшельники-келейники в социокультурном пространстве поселений донских казаков / *Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-*

практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 22–23 марта 2019 г.) / отв. ред. Д.П. Исаев, Д.В. Сень, М.Е. Шалак. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. С. 170–178.

Щепанская, 2005 – Щепанская Т.Б. Экспедиционные традиции: к топографии «поля» в неформальном дискурсе полевых исследователей (этнографов, археологов, антропологов) // Проблемы исторического регионоведения. Сб. науч. ст. / отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 76–100.

Gal, Kligman 2000 – Gal S., Kligman G. The Politics of Gender alter Socialism: A Comparative-Historical Essay, Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. 168 p.

Ryblova, 2021 – Ryblova M.A. Three Years in a Cossack Khutor during the “Stagnation” Period: Ethnographer’s Notes in the Fields of Memoirs of a Rural Teacher. Part 1. Life Support Practices and Authorities // *Russkaya Starina*. 2021. 12(1): 54–65.

References

Bouk, 2001 – Bouk, B.M. (2001). Frontir ili pogranič'e? Rol' zbykikh granits v istorii donskogo kazachestva [Frontier or Borderland? The role of unsteady borders in the history of the Don Cossacks]. Sotsial'naya organizatsiya i obychnoe pravo. Materialy nauchnoi konferentsii [Social Organization and Customary Law. Proceedings of the Scientific Conference.]. Krasnodar: RITs «Vol'nye мастера», pp. 147–155. [in Russian]

Denisova, 2003 – Denisova, L.N. (2003). Zhenshchiny russkikh selenii: Trudovye budni [Women of Russian Villages: Labor Days]. M.: Mir istorii, 336 p. [in Russian]

Gal, Kligman 2000 – Gal S., Kligman G. The Politics of Gender alter Socialism: A Comparative-Historical Essay, Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. 168 p.

Olson, Adon'eva, 2021 – Olson, L., Adon'eva, S. (2021). Traditsiya, transgressiya, kompromiss. Miry russkoi derevenskoi zhenshchiny [Tradition, Transgression, Compromise. The Worlds of the Russian Village Woman]. 2nd edition. M.: NLO, 520 p. [in Russian]

Polevye zapisi avtora, 1987 – Polevye zapisi avtora 1987 g. v khut. Ostroukhovskom Kumylzhenskogo r-na Volgogradskoi obl. Informant Manytskov, 1912 g.r. [Field notes of the author in 1987 in the khutor Ostroukhovsky, Kumylzhensky district, Volgograd region. Informant Manytskov, born in 1912].

Polevye zapisi avtora, 1999 – Polevye zapisi avtora 1999 g. v khut. Tormosin Chernyshkovskogo r-na Volgogradskoi obl. Informant Nedorubov A.P., 1909 g.r. [Field notes of the author in 1999 in the khutor Tormosin, Chernyshkovsky District, Volgograd Region Informant A.P. Nedorubov, born in 1909].

Polevye zapisi avtora, 2008 – Polevye zapisi avtora 2008 g. v st-tse Tishanskoi Nekhaevskogo r-na Volgogradskoi obl. Informant Murashkina A.G., 1908 g.r. [Field notes of the author in 2008 in the village of Tishanskaya, Nekhaevsky district, Volgograd region. Informant Murashkina A.G., born in 1908].

Ryblova, 2006 – Ryblova, M.A. (2006). Donskoe bratstvo. Kazach'i soobshchestva na Donu v XVI–pervoi treti XIX veka [Don Brotherhood. Cossack Communities on the Don in the 16th – first third of the 19th Century]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 544 p. [in Russian]

Ryblova, 2007 – Ryblova, M.A. (2007). Ekstremaly Dikogo Polya: osnovnye etapy zhiznennogo puti voina-kazaka [Extremals of the Wild Field: the main stages of life of the Cossack warrior]. Morozov, I.A. (comp.), Pushkareva, N.L. (ed.). Muzhskoi sbornik. Vyp. 3. Muzhchina v ekstremal'noi situatsii [Men's Collection. Issue 3. Man in an extreme situation]. M.: Indrik., pp. 207–223. [in Russian]

Ryblova, 2016 – Ryblova, M.A. (2016). Stat' voynom. Traditsii sotsializatsii yunoshei i podgotovki voinov v donskoi kazach'ei obshchine [Becoming a Warrior. Traditions of Socialization of Young Men and Preparation of Warriors in the Don Cossack Community]. Volgograd: Izd-vo VolGU; Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNTs RAN, 280 p. [in Russian]

Ryblova, 2019 – Ryblova, M.A. (2019). Otshel'niki-keleiniki v sotsiokul'turnom prostranstve poselenii donskikh kazakov [Hermits-Cell-attendants in the Socio-Cultural Space of the Settlements of the Don Cossacks]. Isaev D.P., Sen' D.V., Shalak M.E. (eds.). Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshchina i aktual'nye problemy istoricheskoi nauki (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo uchenogo): Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 22–23 marta 2019 g.) [Scientific heritage of Professor A.P. Pronstein and topical problems of historical science (to the

100th anniversary of the outstanding Russian scientist): Materials of All-Russian (with international participation) scientific and practical conference (Rostov-on-Don, March 22-23, 2019)]. Rostov-na-Donu: Al'tair, pp. 170-178. [in Russian]

Ryblova, 2021 – Ryblova, M.A. (2021). Three Years in a Cossack Khutor during the “Stagnation” Period: Ethnographer’s Notes in the Fields of Memoirs of a Rural Teacher. Part 1. Life Support Practices and Authorities. *Russkaya Starina*. 12(1): 54-65.

Shchepanskaya, 2005 – Shchepanskaya, T.B. (2005). Jekspedicionnye tradicii: k topografii «polja» v neformal'nom diskurse polevyh issledovatelej (jetnografov, arheologov, antropologov) [Expeditionary traditions: towards the topography of the “field” in the informal discourse of field researchers (ethnographers, archaeologists, anthropologists)]. Krivosheev Ju.V. (ed.). Problemy istoricheskogo regionovedenija [Problems of historical regional studies]. SPb.: Izd-vo SPbGU, pp. 76-100. [in Russian]

Vlaskina, 2012 – Vlaskina, N.A. (2012). Svyatochnyye beschinstva na Donu [Yuletide mayhem on the Don]. *Trudy konferentsii «Pokrovskiy Dni»*. Is. 3. Vol. I, pp. 22-32. [in Russian]

Три года в казачьем хуторе времен «застоя»: записки этнографа на полях воспоминаний сельской учительницы. Часть 2. Половозрастные группы хуторского сообщества: границы, статусы и функции

Марина Александровна Рыблова ^{a, b, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный институт искусств и культуры, Российская Федерация

Аннотация. Эта публикация представляет собой продолжение статьи, опубликованной ранее в 1 номере журнала за 2021 г. Она посвящена воспоминаниям о трех годах, проведенных автором в маленьком казачьем хуторе в качестве учительницы 8-летней школы, которые дополнены авторскими же комментариями. Особенностью обеих частей публикации является их принадлежность к жанру «записок», в которых автор предстает одновременно в качестве человека вспоминающего и комментирующего. Во второй части публикации представлены характеристики половозрастных групп населения казачьего хутора времен советского «застоя»: молодежи брачного возраста, семейных и стариков с определением их границ, статусов и функций, а также выявлением тех изменений, которые произошли с ними в советский период нашей истории в сравнении с дореволюционным временем. Характеризуя группу молодых парней брачного возраста, автор выявляет особенности процесса их самоорганизации при адаптации к условиям взросления с использованием многих традиционных форм, унаследованных от прежней общинной жизни казаков. К числу таких форм относятся молодежные посиделки, практики коллективной взаимопомощи тем, кто оказался в трудных жизненных условиях (отбывание срока за уголовные преступления, нахождение на службе в армии) и др. Автор показывает, что, несмотря на то, что хуторская молодежь оказалась без опеки старшего поколения (на фоне утраты многих прежних моральных принципов и ценностей), у нее сохранялась потребность в организации своей жизни с опорой на молодежный коллектив. В рамках этого коллектива формировался собственный кодекс чести, происходила постоянная нивелировка поведенческих стереотипов, при этом преобладающими были не советские принципы и формы, а прежние – традиционные (хотя и существенно трансформированные), с наличием маргинальных и экстремальных (романтизация хулиганского поведения и «зоны», передача опыта выживания в ней, пьянство и пр.). Группа семейных казаков в публичном пространстве казачьего хутора представлена в большей степени женщинами, бывшими активными участницами общественной жизни поселения и истинными главами своих семей и домохозяйств, вытеснившими из этих сфер мужчин, доминировавших в них в

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ryblova@mail.ru (М.А. Рыблова)

дореволюционное время. Как и в советской деревне, в казачьем хуторе семейные мужчины заняли позиции, приближенные к положению холостой молодежи: опекаемых, не обремененных заботой о семьях, нередко ведущих очень вольный образ жизни; в трудовой сфере жизни нередко реализующих себя также в маргинальных и экстремальных видах деятельности. Что касается группы старых казаков и казачек, то она также в большей степени представлена женщинами, демонстрирующими особую активность в публичном пространстве хутора. Старые мужчины, лишившись былых статусов и функций, практически исчезли из общественной жизни хутора, нередко оказывались отстраненными от воспитания и социализации молодежи, являясь наглядной иллюстрацией процесса разрыва былых межпоколенческих связей и способов передачи культурного и социального опыта от старшего поколения младшим. В советское время в хуторе происходило размывание границ между половозрастными группами, между нравственной нормой и аномалией. Как показывают исследования советской повседневности последних лет, многие из описанных автором явлений были характерны в целом для деревни того времени, однако в маленьком и заброшенном хуторе они проявлялись с особой очевидностью и значительной степенью концентрации, во многом объясняя все последующие политические, экономические и социальные потрясения и катаклизмы постперестроечного времени.

Ключевые слова: полевая этнография, эпоха советского «застоя», культура повседневности, половозрастные группы казачьего хутора.